

·thebigbook·

КНИГИ
КЕЙТ МОРТОН

Дочь часовых дел мастера

Когда рассеется туман

Забытый сад

Далекие часы

Хранительница тайн

КЕЙТ МОРТОН

ХРАНИТЕЛЬНИЦА — ТАИН —

Санкт-Петербург

УДК 821(94)
ББК 84(8Авс)-44
М 80

Kate Morton
THE SECRET KEEPER
Copyright © Kate Morton, 2012
All rights reserved

Перевод с английского
Екатерины Доброхотовой-Майковой, Марины Клеветенко

Оформление обложки Ильи Кучмы

ISBN 978-5-389-19091-7

© Е. М. Доброхотова-Майкова, 2015
© М. В. Клеветенко, перевод, 2015
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2021
Издательство АЗБУКА®

*Селъве,
другу, агенту, помощнице*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЛОРЕЛ

1

Глухой уголок сельской Англии, летний день, начало шестидесятых. Беленый фермерский дом без претензий, штукатурка кое-где облупилась, по стене ползет клематис. Из трубы вьется дымок, наводя на мысль о вкусном обеде, томящемся на плите. Ту же мысль о довольстве и благополучии рождают ровные грядки позади дома, гордый блеск цветных стеклышек в окнах и аккуратные заплатки на черепичной крыше.

Кирпичная изгородь отделяет сад от полей и рощи. Между спутанных корней испокон веков струится ручеек, то сверкая на солнце, то снова ныряя в лесной полумрак, но отсюда его голос не слышен. Слишком далеко. Дом стоит в конце длинной пыльной аллеи, невидимый с дороги.

Вокруг тишь да гладь, лишь невесть откуда взявшийся ветерок шевелит листву. Обручи, повальное увлечение прошлого сезона, прислонены к стене в ажурной тени глициний. Одноглазый плюшевый медвежонок с гордым видом несет вахту в зеленой тележке для белья, откуда ему виден весь двор. Садовая тачка, нагруженная горшками, терпеливо ждет под навесом.

Несмотря на тишину, а возможно, благодаря ей в воздухе разлито томительное ожидание, словно в театре перед началом спектакля. Все еще впереди, все еще может случиться...

— Лорел! — слышится недовольный детский голос. — Лорел, ну где же ты?

Чары разрушены. В зрительном зале медленно гаснет свет, занавес поднимается.

Откуда ни возьмись выбегают куры и начинают клевать траву между плитками садовой дорожки, тень сойки мелькает в саду, с поля доносится тарахтение трактора. И высоко надо всем, растянувшись на полу домика в кроне дерева, шестнадцатилетняя девочка языком подталкивает к небу лимонный леденец и вздыхает.

Бессовестно заставляя их искать так долго, но из-за жары и волнующей тайны в сердце Лорел лень было играть, тем более в такую малыштовую игру, как прятки. Уговорили, пусть теперь как следует попотеют. Как говорит папа, все должно быть по-честному, без труда не вынешь и рыбку из пруда. Лорел не виновата, что прячется лучше всех. Правда, она старшая, но ведь и сестры давно не маленькие.

Кроме того, именно сегодня Лорел не хотелось, чтобы ее нашли. Лежать бы так вечно, и чтобы тонкая ткань платья трепетала от ветра, задевая голые коленки, лежать и думать о нем.

Билли.

Лорел закрыла глаза, и его имя розовым неоновым курсивом вспыхнуло на сетчатке. Кожа пошла мурашками. Леденец сладко перекатывался на языке.

Билли Бакстер.

Его взгляд поверх черных очков, ироническая усмешка, набриолиненный кок...

Лорел знала, это на всю жизнь. Пять суббот назад они с Ширли сошли с автобуса и впервые увидели Билли, который вместе с приятелями курил на ступенях танцверанды. Их взгляды встретились, и Лорел страшно обрадовалась, что истратила воскресный заработок на новые нейлоновые чулки.

— Ну, Лорел, так нечестно, — донесся голос запыхавшейся Айрис.

Лорел еще крепче зажмурилась.

Они с Билли не пропускали ни одного танца. Музыканты играли все быстрее, «французская ракушка», которую Лорел так тщательно уложила, сверяясь с обложкой журнала для девочек, растрепалась, ноги гудели, но она танцевала, пока не подошла раздосадованная Ширли, которой не досталось кавалера, и не проворчала, что, если они опоздают на последний автобус, их сюда больше не отпустят. Ширли сердито пристукнула каблучком, Лорел одарила Билли сияющим взглядом, а он взял ее за руку, притянул к себе, и Лорел с необыкновенной, слепящей ясностью осознала, что переживает самое прекрасное, самое восхитительное мгновение в жизни.

— Ну и пожалуйста, — выпалила Айрис. — Не обижайся потом, что тебе не досталось деньрожденного торта!

Солнце било в окошко домика, наполняя закрытые глаза жарким сиянием цвета вишневой колы. Лорел села, однако с места не двинулась. Она обожала мамин бисквитный торт с малиной и взбитыми сливками, но угроза ее не испугала. Нож для торта забыли на кухне, когда впопыхах собирали корзинку для пикника, пледы, газировку, купальные полотенца и новый транзистор. Лорел это знала, потому что, когда сестры только начали играть в прятки, заскочила в пустой сумрачный дом, схватила бандероль и заметила рядом с фруктовой вазой нож, перевязанный алой ленточкой.

Только этим ножом разрезали торты, испеченные по случаю Рождества, дней рождения или просто так, для настроения, — мама свято чтит семейные традиции. А стало быть, пока кого-нибудь не пришлют за ножом, Лорел может сидеть тут, на дереве. В доме, где вечно все вверх дном и без конца хлопают двери, приучаешься ценить редкие минуты свободы.

Сегодня Лорел особенно тянуло побыть одной.

Бандероль прибыла в четверг. По счастью, почтальона встретила Роуз — не Айрис, Дафна или, боже упаси, мама. Лорел сразу догадалась, от кого посылка. Щеки вспыхнули,

она, запинаясь, пробормотала что-то про пластинку, которую одолжила Ширли. Могла бы и не темнить: Роуз уже ее не слушала, а глядела на бабочку, севшую на садовую ограду.

Вечером того же дня, когда все семейство смотрело по телевизору «Музыкальный автомат», Айрис и Дафна спорили, кто лучше — Клифф Ричард или Адам Фэйт, а папа возмущался, что Фэйт изображает американский акцент и, вообще, у англичан не осталось собственной гордости, Лорел выскользнула в ванную, закрылась на задвижку и, прислонившись спиной к двери, сползла на пол.

Дрожащими пальцами она надорвала бандероль.

На колени выскользнула маленькая книжица. Лорел успела прочесть название через обертку из папиросной бумаги: «День рождения», Гарольд Пинтер¹.

С тех пор книжка каждую ночь лежала у Лорел в наволочке — спать было жестковато, но расстаться со своим сокровищем она просто не могла.

Лорел верила, что у каждого человека случаются переломные моменты, когда плавное течение жизни круто меняет курс. Пьеса Пинтера стала таким событием. Она прочла о спектакле в газете и решила во что бы то ни стало его увидеть. Родителям Лорел сказала, что отправляется к Ширли, подруге велела не выдавать ее, а сама села на автобус, идущий в Кембридж.

Это была ее первая самостоятельная поездка и, наблюдая из темного зала, как день рождения Стэнли превращается в кошмар, Лорел пережила сильнейшее потрясение в жизни. Она впала в настоящий экстаз, вроде того, какой сестры Бакстон переживали каждую воскресную службу, хотя Лорел по-

¹ *Гарольд Пинтер* (1930–2008) — английский драматург, поэт, режиссер, актер, общественный деятель, лауреат Нобелевской премии по литературе 2005 года. Пьеса «День рождения», содержащая многие элементы театра абсурда, была написана в 1957 году и в первой постановке с треском провалилась, но позже была признана одним из величайших шедевров английской классики.

дозревала, что виной тому не слово Божие, а недавно назначенный молодой пастор. Сидя на дешевом месте, с горящим лицом, чувствуя, как энергия происходящего на сцене вливается прямо в кровь, Лорел понимала, что назад пути нет.

Она долго не решалась доверить кому-нибудь свой секрет, пока однажды вечером, прижимаясь щекой к кожаной куртке Билли (его рука лежала у нее на плече), не рассказала ему все...

Лорел вытащила из книги записку. Билли будет ждать ее на мотоцикле у въезда в аллею в половине третьего, хочет показать ей свое любимое место на побережье.

Лорел посмотрела на часы. Без нескольких минут два.

Выслушав Лорел, Билли пустился в рассказ о Лондоне, о театрах и музыкальных группах, играющих в безымянных ночных клубах, и перед ней закружился калейдоскоп невероятных возможностей. А потом он поцеловал Лорел. Это был ее первый настоящий поцелуй — словно внутри взорвалась электрическая лампочка, залив все вокруг ослепительным светом.

Она потянулась за зеркальцем, которое стащила у Дафны, и принялась изучать черные стрелки в уголках глаз. Убедившись, что они симметричны, Лорел пригладила челку, пытаясь вспомнить, что еще упустила. Полотенце! Лорел заранее надела купальник под платье. Родителям она сказала, что миссис Ходжкинс попросила ее прибраться в парикмахерской.

Лорел убрала зеркальце и прикусила ноготь. Ей не нравилось обманывать родителей. Лорел всегда была послушной девочкой, спросите хоть маминых подруг, учителей или миссис Ходжкинс, но что ей оставалось? Как рассказать отцу и маме про Билли?

Лорел была уверена, родители не поймут, ведь они никогда не любили. Разве можно назвать любовью то осторожное чувство, которое испытывают друг к другу взрослые и кото-

рое выражается в похлопывании по плечу и вопросах: «Не заварить ли тебе чаю?» Лорел вздохнула. Куда проще думать, что никто и никогда не ощущал такого жара, такого сердцебиения, такого физического — и тут Лорел вспыхнула — влечения.

Порыв ветра принес отголосок маминого смеха. Дорогая мамочка, с нежностью подумала Лорел, она же не виновата, что ее молодость пришлось на войну и что она встретила папу только в двадцать пять. Что до сих пор мастерит детям бумажные кораблики. Что ее высшим достижением в жизни стала победа в конкурсе огородников и фотография в газете. (Правда, не в местной, а в столичной, в большом репортаже, посвященном новостям из провинции.) Отец Ширли, адвокат, собственноручно вырезал заметку. Мама притворилась смущенной и, кажется, не слишком обрадовалась, когда папа прилепил вырезку к дверце нового холодильника, однако снимать ее не стала. Она всерьез гордилась своей невероятно длинной огненно-красной фасолью. В том-то все и дело. Лорел выплюнула длинный заусенец. Женщину, которая гордится фасолью, проще обмануть, чем заставить признать, что мир изменился.

Лорел не привыкла обманывать. Они были дружной семьей, так говорили ее друзья и в лицо, и за глаза. Николсоны отличались подозрительной преданностью друг другу. Впрочем, так было раньше. А потом все изменилось. И хотя поведение Лорел осталось прежним, она ощущала, что постепенно отдаляется от родных. Ветерок разметал волосы по лицу, и Лорел вздохнула. Во время ужина папа привычно шутил — как всегда, не смешно, но мама и сестры все равно хохотали, — и Лорел казалось, что она наблюдает за ними со стороны. Как если бы они все ехали в поезде, а она стояла на перроне и смотрела им вслед.

На самом деле уехать собиралась Лорел, и совсем скоро. Поступить в Центральную школу сценической речи и драмы.

Что скажут родители, когда она объявит, что хочет жить отдельно? Их обоих совершенно не интересовала суетная жизнь большого города — мама не была в Лондоне с тех пор, как Лорел появилась на свет. Известие, что старшая дочь задумала променять домашний уют на неверный и загадочный мир кулис, наверняка повергнет их в ступор.

Внизу на веревке возмущалось мокрое белье. Штанины джинсов, столь ненавидимых бабушкой Николсон («Ты выглядишь дешево, Лорел, а для девушки нет ничего хуже, чем казаться доступной»), хлопали друг о друга, пугая курицу с одним крылом, которая кудахтала и носилась кругами по двору. Лорел надвинула на нос черные очки в белой оправе и привалилась спиной к стене домика.

Это все война виновата. После ее окончания прошло целых шестнадцать лет — вся жизнь Лорел, — и мир не стоял на месте. Противогазы, военная форма и продовольственные карточки крепко заперты в старом папином чемодане цвета хаки на чердаке. Печально, что некоторые люди — целое поколение, те, кому перевалило за двадцать пять, — всё еще цепляются за прошлое.

Билли говорил, что не собирается их разубеждать. Он называл это «пропастью между поколениями», уверял, что с предками объясняться бессмысленно. Как сказано в книге Алана Силлитоу¹, которую он таскал в кармане, старики не способны понять нужды молодых, а если они понимают вас, значит вы что-то делаете не так.

Лорел, послушная, любящая дочь, внутренне сопротивлялась идеям Билли, но ей было недосуг разбираться. Мысли уносились к тем летним вечерам, когда, ускользнув от сестер и сунув транзистор под блузку, она с бьющимся сердцем вы-

¹ Алан Силлитоу (1928–2010) — английский поэт и прозаик. Его первый роман «В субботу вечером, в воскресенье утром» (1958) рассказывает о проблемах рабочей молодежи и пронизан духом послевоенного разочарования.

бегала в теплые сумерки и пробиралась сюда, в деревянный домик среди ветвей. Здесь, настроив приемник на «Радио Люксембург», Лорел ложилась на спину, и музыка уносила ее далеко-далеко. Музыка просачивалась сквозь стены, окутывала древние поля модными ритмами, и Лорел испытывала пьянящее, до мурашек, чувство единения. Она ощущала себя частью всемирного заговора, членом тайного сообщества молодых, которые в эту самую минуту слушают такую же музыку, которые разделяют ее взгляды на жизнь, на мир и будущее, ждущее их впереди...

Лорел открыла глаза и с довольным видом потянулась, наблюдая за стайкой грачей. Летите, птички, летите. Скоро и она улетит, только школу окончит. Пока птицы не растворились в синеве, Лорел, не мигая, следила за их полетом, загадав, что если не отведет взгляда, то все сложится хорошо и родители поймут ее правоту.

На глазах выступили слезы, и Лорел опустила взгляд на окно спальни, на астры, которые они с мамой высадили на могилке кота Констебля, на щель в кирпичной кладке, где она украдкой оставляла записки для эльфов.

Лорел почти не помнила себя в детстве. Смутные воспоминания о том, как она собирала ракушки на морском берегу, об ужинах в гостинной бабушкиного пансиона «Морская лазурь», были подобны снам. Вся ее сознательная жизнь прошла на ферме «Зеленый лог». Лорел не собиралась обзаводиться собственным креслом на веранде, но ей нравилось смотреть, как родители каждый вечер усаживаются в свои кресла, нравилось, засыпая, слышать за тонкой стеной их тихие разговоры и, протянув руку, коснуться в полусне кого-нибудь из сестер.

Она будет по ним скучать.

Лорел моргнула. Она будет по ним скучать. Внезапно на нее нахлынуло чувство утраты. Сестры брали без спросу ее платья, портили помаду, царапали пластинки, но Лорел не представляла, как проживет без шума и гвалта, вечных ссор

и бурных примирений. Они напоминали щенят из одного помета. Приводили в смятение чужаков и гордились этим. Они были сестры Николсон: Лорел, Роуз, Айрис и Дафна. Одно слово, цветник, восклицал папа, когда ему случалось перебрать. Сущее наказание, ворчала бабушка, когда выбиралась погостить.

Издали до Лорел долетал их визг. Внутри словно сжалась растянутая струна. Ей было нетрудно вообразить их у ручья, словно на старинной гравюре. Резвятся на отмели, юбки подоткнуты с боков под резинки трусов. Роуз укрылась за камнями и рисует на песке мокрым прутиком, болтая в воде тощими ногами; Айрис успела промокнуть до нитки и страшно разозлилась; Дафна трясет кудряшками, сложившись пополам от хохота.

Должно быть, клетчатый плед расстелен на траве, мама стоит по колено в воде, отпуская в плавание последний кораблик. Папа наблюдает с берега, брюки закатаны, во рту сигарета. На лице выражение легкого изумления, словно он до сих пор не верит собственному везению.

У его ног малыш. Шлепает по воде босыми пятками, заливаясь хохотом, тянет пухлые ручки к матери. Свет их очей...

Малыш. Разумеется, у него есть имя. Джеральд. Однако никто его так не называет: Джеральд — слишком взрослое имя. Сегодня ему исполнилось два года, но личико сохранило младенческую округлость, на щеках ямочки, глаза блестят озорством, а еще у него восхитительные толстые ляжки. Иногда Лорел трудно удержаться, чтобы не тискать его слишком сильно. Все сестры добиваются расположения брата, и каждая уверена, что он выделяет ее среди других, хотя на самом деле его любимица Лорел.

Неужто она пропустит его второй день рождения? О чем только она думает? Торчит тут битый час. А ведь собирается вечером улизнуть на свидание к Билли!

Лорел задохнулась от стыда, но тут же придумала, как все исправить: надо спуститься с дерева, заскочить на кухню за

ножом и отнести его к ручью. Лорел будет образцовой дочерью, примером для младших. А если уложится в десять минут, то заработает дополнительные очки. Теплый ветер обдувал загорелые икры. Не мешкая, Лорел поставила ногу на верхнюю ступеньку лестницы.

Впоследствии Лорел часто спрашивала себя, как бы все обернулось, если бы она вылезала из домика чуть помедленнее. Возможно, ужасных событий удалось бы избежать? Однако она спешила, и случилось то, что случилось. Лорел мучило смутное чувство вины, но могла ли она управлять своими поступками? Совсем недавно ей хотелось побыть одной, сейчас не терпелось оказаться в гуще событий. Она была словно флюгер на крыше, ее бросало из крайности в крайность. Волнующее и немного пугающее чувство.словно несешься на мотоцикле вдоль берега моря.

Лорел так спешила к своим, что проехала коленкой по деревянному порожку. Морщась от боли, она опустила глаза на алую струйку крови. Ничего не поделаешь, придется вернуться.

Сидя на полу домика, она разглядывала царапину, гадая, заметит ли Билли засохшую корочку на ее коленке, когда со стороны ручья долетел шум. Барнаби несясь сквозь высокую траву, уши хлопали на ветру, словно бархатные крылья. Мама в платье, которое сшила своими руками, шла следом через поляну. Малыш Джерри с комфортом устроился у нее на руках, голые ножки выглядывали из-под пляжного костюмчика, защищавшего нежную кожу от солнца.

Они были далеко, но порыв ветра донес пение. Эту песенку мама в свое время пела каждому из них. Медленно проводила пальцами от живота до подбородка, и малыши млели от удовольствия, заливались хохотом и просили еще.

Эти двое — мать и дитя — были так поглощены друг другом и являли собой такую идиллическую картину на фоне за-

литой солнцем лужайки, что сердце Лорел разрывалось между радостью и ревнивой грустью.

Мама открыла калитку и двинулась по направлению к дому. А ведь она пришла за ножом для торта, догадалась Лорел. Какое невезение!

С каждым маминым шагом возможность оправдаться таяла на глазах. Лорел надулась и, вместо того чтобы слезть с дерева или окликнуть маму, легла на пол и впала в мрачное оцепенение.

Обруч, прислоненный к стене, беззвучно свалился в траву. Лорел сочла это безмолвным проявлением солидарности. Пусть хорошенько соскучатся без нее, а она придет к ручью, когда будет готова. Лорел как раз собиралась перечитать «День рождения», помечтать о взрослой жизни вдали отсюда, о жизни, в которой нет места царапинам на коленках.

В дальнем конце аллеи возник смутный мужской силуэт. Впоследствии Лорел не могла объяснить, что заставило ее поднять глаза. На одну ужасную секунду она решила, что Билли приехал пораньше и собирается сам за нею зайти. И только когда мужчина приблизился и Лорел увидела, как тот одет: рубашка без пиджака, черные брюки, черная старомодная шляпа, — она вздохнула с облегчением.

На смену облегчению пришло любопытство. Чужаки редко заходили на ферму, особенно пешком. Однако, разглядывая незнакомца, Лорел испытывала дежавю. А впрочем, не важно, у нее отличный наблюдательный пункт, грех не воспользоваться случаем исподтишка за ним проследить.

Упершись локтями в подоконник, Лорел пристально всматривалась в приближающегося мужчину. Довольно красив, хотя и немолод, держится с достоинством. Незнакомец производил впечатление человека, которому некуда спешить. Любого из папиных приятелей-фермеров Лорел узнала бы сразу. Заблудился? Вряд ли. Ферма стояла вдали от дорог. Может

быть, это цыган или бродяга из тех, что иногда забредают сюда в поисках работы? А что, если — от этой ужасной мысли Лорел вздрогнула — это тот, о ком писали в местной газете? Взрослые говорили о нем с явным беспокойством. Неизвестный, тревоживший покой компаний, мирно пирующих на природе, пугавший женщин в безлюдных местах ниже по реке.

Лорел вздрогнула, но нет, тревога оказалась ложной. Незнакомец не был бродягой — с плеча у него свисала кожаная сумка. Коммивояжер, будет уговаривать маму купить очередную энциклопедию, без которой ей никак не обойтись, только и всего.

И разочарованная Лорел отвернулась от окна.

Спустя несколько минут снизу донеслось низкое рычание Барнаби. Спаниель стоял посередине аллеи, не сводя глаз с незнакомца, который отворял калитку в сад.

— Тихо, Барнаби, — раздался мамин голос из дома. — Мы уже идем. — Она вышла, встала на пороге, что-то шепнула на ушко малышу, чмокнула его в розовую щечку, и тот расплылся в улыбке.

Калитка за домом скрипнула — щеколду давно не смазывали, — и пес снова зарычал. Шерсть у него на спине встала дыбом.

— Хватит, Барнаби, — повторила мама. — Да что на тебя нашло?

Незнакомец вышел из-за угла, мама обернулась — и улыбка сошла с ее лица.

— Привет, — произнес незнакомец и поочередно промокнул виски носовым платком. — Отличный выдался денек.

При виде нового лица физиономия младенца расплылась от удовольствия, и он протянул навстречу чужаку пухлые ручки. Никто бы не устоял перед таким приглашением, и незнакомец, сунув платок в карман, шагнул вперед, слегка подняв руку, словно благословляя малыша.

И тут, к удивлению Лорел, мама проявила недюжинную расторопность: отпрянув, она с размаху опустила малыша на голую землю у себя за спиной, и оторопевший младенец, не привыкший к такому обращению, заплакал.

Лорел застыла, не в силах двинуться с места. Никогда в жизни ей не приходилось видеть на мамином лице такого выражения. Страх, догадалась она. Мама была до смерти напугана. Внезапно Лорел ощутила, что ее уверенность в себе улетучилась, а на смену ей пришла холодная тревога.

— Привет, Дороти, — промолвил незнакомец. — Давненько не виделись.

Он знал мамино имя! Этот человек не был чужаком.

Мужчина снова заговорил, слишком тихо для ушей Лорел. Мама молча кивнула. Затем подняла лицо к солнцу и прикрыла глаза.

Дальше события развивались стремительно.

Влажно блеснула сталь. На краткий ослепительный миг солнце отразилось на лезвии.

Затем нож опустился — праздничный нож, нож для особых случаев — и глубоко вошел в грудь чужого мужчины. Время замерло, потом рвануло вскачь. Мужчина вскрикнул, лицо исказила гримаса боли, удивления и ужаса. Он потянулся было к костяной ручке — там, где кровь уже пропитала рубашку, — затем упал, и теплый ветер потащил по пыльной аллее его шляпу.

Пес лаял как заведенный, покрасневший младенец надрылся от крика, но Лорел почти не слышала звуков, их заглушали грохот в ушах и хрипы в груди.

Алая ленточка на рукояти ножа развязалась, ветер прибил ее к камням, ограждавшим клумбу. Больше Лорел ничего не видела: перед глазами вспыхнули и замерцали звезды, и все вокруг почернело.

2

Суффолк, 2011 год

Суффолк встретил ее дождем. Лорел не помнила, чтобы в ее детстве когда-нибудь шел дождь. Больница располагалась на другом конце города, и автомобиль долго тащился по лужам Хай-стрит. Наконец он свернул на подъездную дорогу и, обогнув круг, остановился напротив двери. Лорел достала пудреницу, оттянула кожу на виске, спокойно наблюдая, как складки собираются вновь. Затем повторила ту же операцию со второй щекой. «Людам нравятся ваши морщины» — так говорит ее агент, так восклицают помрежи, так шепчут гримеры, размахивая кисточками и бравируя возмутительной молодостью. Несколько месяцев назад одно сетевое издание предложило читателям выбрать «Лицо нации». Лорел заняла почетное второе место. Писали, что ее морщины внушают людям чувство безопасности.

Хорошо им говорить. Из-за таких разговоров Лорел чувствовала себя старухой.

А я и есть старуха, подумала она, защелкивая пудреницу. По сравнению со мной даже миссис Робинсон молода. Двадцать пять лет прошло с тех пор, как Лорел сыграла «Выпускника»¹

¹ «*Выпускник*» — пьеса по одноименному роману Чарльза Уэбба (1963). Миссис Робинсон — средних лет дама, соблазняющая главного героя пьесы, только-только окончившего колледж.

в Королевском национальном театре. Куда утекло время? Кто-то подкрутил стрелки часов, пока она ненароком отвернулась, другого объяснения быть не может.

Шофер открыл дверцу и, придерживая над Лорел зонтик, проводил ее до входа.

— Спасибо, Марк. Помните, где забрать меня в пятницу?

Марк опустил на землю ее дорожную сумку и закрыл зонтик.

— Ферма на другом конце города, в дальнем конце узкой аллеи. В два часа вас устроит?

Устроит. Шофер кивнул и под дождем заспешил к машине. Лорел смотрела вслед автомобилю, уже скучая по теплому салону и ленивому ничегонеделанию долгой дороги. Уехать бы куда-нибудь, подальше отсюда.

Она посмотрела на дверь, но внутрь не вошла, вытащила сигарету и, не заботясь, как выглядит со стороны, жадно закурила. Ей плохо спалось этой ночью. Снились мама, дом, сестры и малыш Джерри. Он протягивал ей игрушечный космический корабль, который сам смастерил, и говорил, что однажды изобретет машину времени, вернется в прошлое и все исправит. Исправит что, спрашивала она во сне. Все, что пошло не так. И если она хочет, он возьмет ее с собой.

Она хотела.

Дверь открылась, на крыльцо выпорхнули две молоденькие медсестрички. Одна из них, узнав Лорел, удивленно расширила глаза. Лорел суховато кивнула, швырнула окурки в урну, а медсестра что-то зашептала на ухо подруге.

Роуз ждала в вестибюле, в кресле у стены, и на долю секунды Лорел увидела младшую сестру со стороны. Концы вязаной фиолетовой шали топорщились узлом на груди, непослушные седые волосы стянуты в косу. Лорел едва не заплакала от невыносимой нежности, заметив, что Роуз закрепила хвостик на голове аптечной резинкой.

— Розы, сколько лет, сколько зим! — воскликнула она, скрывая под маской светскости истинные чувства и почти себя не стыдясь. — Когда же мы в последний раз виделись?

Они обнялись, и Лорел вдохнула знакомый, но такой неуместный здесь лавандовый аромат. Так пахло летним вечером в пансионе бабушки Николсон «Морская лазурь».

— Я так рада, что ты здесь, — сказала Роуз по пути к палате.

— Разве я могла остаться в стороне?

— Конечно, понимаю.

— Я бы раньше приехала, если бы не интервью.

— Я слышала.

— И я задержалась бы подольше, если бы не репетиции. Съемки начнутся через две недели.

— Я все знаю. — Роуз с чувством стиснула ее руку. — Мама будет страшно рада. Мы так гордимся тобой, Лол. Все мы.

Лорел всегда казалось странным выслушивать комплименты от родни, и она промолчала.

— А где остальные?

— Еще не собрались. Айрис застряла в пробке, Дафна приедет вечером прямо из аэропорта. Обещала позвонить с дороги.

— А Джерри? Как всегда, по особому расписанию?

Роуз, единственная кроткая овечка среди острых на язык Николсонов, усмехнулась. Их брат рассчитывал координаты далеких галактик, но вопрос о времени приезда неизменно ставил его в тупик.

Сестры завернули за угол и оказались перед дверью с надписью: «Дороти Николсон». Роуз потянулась к звонку и тут же отдернула руку.

— Я должна предупредить тебя, Лол. С тех пор как вы виделись в последний раз, ей стало хуже. Временами она такая же, как раньше, временами... — Губы Роуз задрожали, она вцепилась в длинную нитку бус, понизила голос. — Иногда ее мысли путаются, она вспоминает прошлое, говорит какие-то непонятные вещи. Медсестры уверяют, что в ее состоянии это естественно. Таблетки помогают, но из-за них она стано-

вится сама не своя. Вряд ли сегодня ты чего-нибудь от нее добьешься.

Лорел кивнула. По телефону доктор сказал ей то же самое. Он так долго увиливал от ответа, обходясь стыдливими недомолвками: «конец длинного пути», «время подводить итоги», «вечный сон», что Лорел не выдержала.

— Другими словами, моя мать умирает? — грозно спросила она, предвкушая, как он будет трепыхаться, если загнать его в угол. Впрочем, тут же раскаялась в собственной опрометчивости.

— Да, — коротко ответил доктор.

Самое предательское из слов.

Роуз открыла дверь:

— Посмотри, кого я привела, мамочка!

И у Лорел перехватило дыхание.

Были времена, когда она боялась всего на свете. Темноты, зомби, бродяг, которые, как уверяла бабушка Николсон, за-таскивают непослушных девочек в темные углы и делают с ними всякие ужасные вещи. (Какие вещи? У-ж-а-с-н-ы-е. Как водится, чем туманнее было описание, тем страшнее становилось.) Бабушка говорила так убедительно, что Лорел не сомневалась: рано или поздно ей не миновать участи этих несчастных.

Иногда самые большие страхи собирались вместе и будили ее среди ночи: затаившиеся в шкафу зомби смотрели сквозь замочную скважину, готовясь вершить черные дела.

— Тише, детка, — успокаивала мама. — Это всего лишь сон. Ты должна уметь отличать реальное от воображаемого. Иногда будет непросто — я сама очень долго не могла научиться.

Затем мама ложилась рядом и шептала ей в ухо:

— Хочешь, я расскажу тебе про девочку, которая сбежала из дому с бродячим цирком?

Мортон К.

М 80 Хранительница тайн : роман / Кейт Мортон ; пер. с англ. Е. Доброхотовой-Майковой, М. Клеветенко. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. — 480 с. — (The Big Book).

ISBN 978-5-389-19091-7

Начало 1960-х годов. Семнадцатилетняя Лорел Николсон, старшая дочь в благополучном провинциальном английском семействе, видит, как ее мать, Дороти, убивает ножом подошедшего к дому незнакомца. Полиция, не особенно разбираясь в обстоятельствах, делает вывод, что убитый — маньяк, а поступок матери — самозащита.

Проходит пятьдесят лет. Лорел — прославленная актриса. Но история, случившаяся когда-то, не выходит у нее из головы. И однажды, роясь в материнских вещах, она находит фотографию женщины, супруги популярного до войны и забытого ныне писателя. Лорел чувствует, что здесь-то и скрыт ответ на загадку, которая не дает ей покоя...

УДК 821(94)

ББК 84(8Авс)-44

Литературно-художественное издание

КЕЙТ МОРТОН

ХРАНИТЕЛЬНИЦА ТАЙН

Ответственный редактор Александр Етоев
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Татьяна Бородулина, Дмитрий Капитонов
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 15.02.2021. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 6000 экз. Усл. печ. л. 30.
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

H-ABB-27784-01-R